

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ В ПОЭЗИИ ВИКТОРИИ ЯНКОВСКОЙ

Никифорова Ольга Владимировна

аспирант, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток
kettary.breeze@yandex.ru

LINGUISTIC FEATURES OF PERSONIFICATION IN THE VICTORIA YANKOVSKAYA'S POETRY

O. Nikiforova

Summary: The purpose of this article is to look at personification as a specific marker of V.Y. Yankovskaya's art. The grammatical and morphological features of personifications in the poetry of V.Y. Yankovskaya are studied, as well as their participation in syntax. The author comes to the conclusion that personifications in the studied material are found to a greater extent in narrative constructions, most often expressed by verbs of intellectual action and qualitative state. Participles, participial phrases, and emotional-evaluative vocabulary are also presented.

Keywords: personification, Yankovskaya, verbs, syntax, grammatical gender.

Аннотация: Цель данной статьи – обратиться к олицетворению, как специфическому маркёру творчества В.Ю. Янковской. Исследованию подвергаются грамматические, морфологические особенности олицетворений в поэзии В.Ю. Янковской, их участие в синтаксисе. Автор приходит к выводу о том, что олицетворения в исследуемом материале встречаются в большей мере в повествовательных конструкциях, наиболее часто выражаются глаголами интеллектуального действия и качественного состояния. Среди остальных встречаемых языковых воплощений: причастия, причастные обороты, эмоционально-оценочная лексика.

Ключевые слова: олицетворение, Янковская, глаголы, синтаксис, грамматический род.

В последнее время существует тенденция считать олицетворение, в том числе, и лингвистическим средством выразительности. Об этом свидетельствует ряд новаторских работ, появившихся в последнее время: Я.И. Гина [1, 2], К.С. Константиновой [3], Фам Нгок Лама [4], Н.В. Чесноковой [5] и др. Вопросы функционирования олицетворения в русском языке ранее затрагивали такие учёные, как В.В. Виноградов [6], Г.О. Винокур [8], И.Р. Гальперин [9], И.И. Ковтунова [10], Е.А. Некрасова [11], А.А. Потебня [12].

Подобный подход к творчеству В.Ю. Янковской представляется нам очень перспективным и актуальным – и ввиду современных тенденций, и по причине малой изученности поэтики избранного автора в данном аспекте. Ещё Г.О. Винокур отмечал, что лингвистика, её сфера распространяется и на художественный язык, следовательно, у этой науки «существуют свои интересы и обязанности по отношению к явлениям поэтического языка» [7, с. 61].

Обращение к исследуемой проблеме показало, что понятие олицетворения ещё не получило однозначного толкования в современной науке. В нашей статье под олицетворением понимается стилистический приём, заключающийся в перенесении каких-либо характеристик, относящихся к человеку или антропоморфных качеств, на явления, растения, животных, предметы. В основе приёма лежит ассоциация [3].

Однако почти все исследователи солидарны в том, что олицетворение, ведя своё происхождение из древности, как «наследие мифа», самым тесным образом оказывается связанным с эволюцией мышления человека в сфере образов. Природа этого лингвистического явления – гносеологическая [3, с. 28].

Опираясь на научную литературу, можно воспринимать данный троп как:

1. предмет природы, который описывается через олицетворение;
2. аспекты человеческого поведения, которыми наделяется этот предмет природы;
3. ситуация (ситуации), в которых это олицетворение чаще всего наблюдается.

В творчестве В.Ю. Янковской приём олицетворения создаётся при помощи различных лингвистических средств и встречается довольно часто на протяжении всего творчества. Так, в стихотворении «Я жду» (1928) данный приём употреблён дважды:

*В старой заброшенной хижине
Я развела огонёк.*

Стелется пламя униженно
Возле смугляющих ног [12].

Фраза «стелется пламя униженно» представляет собой повествовательную конструкцию, в которой присутствует сравнение с лицом. Глагол «стелется» (от-

носится к группе глаголов движения), по определению С.И. Ожегова, означает горизонтальный рост, низко «по какой-либо поверхности или по земле» [13 с. 436]. Однако здесь возникает и переносное значение, благодаря наречию «униженно». Именно оно позволяет расценивать данное сочетание как олицетворение, поскольку возникает ассоциация с человеком, который раболепствует. Таким образом, можно зафиксировать несовпадение по грамматическому признаку: пламя среднего рода, в семантике же глагола и наречия заложен признак мужчины, так как мы знаем, что рассказ ведётся от лица лирической героини.

В следующей строфе встречается не менее своеобразный пример олицетворения:

*Ты же тропюю окольную
На огонёк мой придешь.*

**Сумерки дрожко-стекольные
Лезут в отверстия рогож.**

В этой повествовательной конструкции автор персонифицировал временной промежуток («сумерки») посредством глагола «лезут». В «Толковом словаре глаголов» Л.Г. Бабенко глагол «лезть», имеющий семантику «Двигаться вверх, взбираясь вверх на что-либо или спускаться вниз с чего-либо. Синоним к слову “карабкаться”» [14, с. 29]. Автор классифицирует «лезть» как глагол движения, глагол поступательного движения субъекта [14, с. 25]. То есть, уже можно отметить тенденцию автора создавать олицетворение при помощи глаголов движения (или, пользуясь терминологией Г.А. Золотовой, акциональными глаголами) [9, с. 61].

Олицетворяемые объекты принадлежат к тематической группе «стихия» («пламя») и пространственно-временной категории («сумерки»). Помимо приведённых примеров в обозначенную группу «пространственно-временные категории» вошли и другие олицетворения: «вечер моросистый / Распустил печальное крыло» («Малинке», 1928); «Как будто их ноябрь прижал своей рукой» («Парк-Форесталь», 1954); «И чудит по-чилийски апрель» («Собираю опавшие листья...», 1956); «Эпоха – остригла мне крылья, / Подбила меня, как птицу...» («Необычайная поездка на юг Чили», 1957); «И дни идут, затягивая сети» («Летопись», 1959); «Ту боль мою и время не излечит. / Оно пройдёт околицей и мимо» («Летопись», 1959); «Наитягчайшее – врачует время» («Летопись», 1959); «Ужасны вы, ненужные часы! / Обычно, август, ты мне их бросаешь» («Побег», 1932).

Рассмотрим их. В примере «Над Кореей вечер моросистый / Распустил печальное крыло» персонифицируется вечер, которому придаются свойства птицы или ангела (антропоморфизм). Сказать более определённо нельзя, так как олицетворение всегда оставляет свободу для переосмысления.

Олицетворение образовано через глагол покрытия объекта «распустил» и дополнения «печальное крыло», в котором заключена оценка происходящего. В данном трудно сказать о совпадении или несовпадении грамматического рода, так как может подразумеваться существо как женского, так и мужского рода. Зато в примере «Ту боль мою и время не излечит. / Оно пройдёт околицей и мимо» очевидно несовпадение грамматического рода: время – среднего рода, лекарь (лицо, с которым оно коррелируется) – мужского.

Далее можно заметить, что большинство олицетворений образовано посредством глаголов физического действия: «прижал», «остригла», «идут», «пройдёт», «подбила». В контексте поэзии В.Ю. Янковской, с её постоянной темой ностальгии, они связываются между собой общей семантикой, восходящей к смысловому ядру «утрата», «потеря», «деформация». Исключение составляет пример «И чудит по-чилийски апрель», в котором пространственно-временная категория олицетворяется при помощи глагола эмоционального действия с экспрессивным оттенком «чудит».

В строке «Ужасны вы, ненужные часы! / Обычно, август, ты мне их бросаешь» два примера олицетворения: часы «оживляются» благодаря оценочной лексике, выражающей отрицательную коннотацию. В первом случае конструкция восклицательная, усиливающая эмоциональное звучание; во втором случае повествовательная, с обращением. Лирическая героиня адресует свою речь к августу, персонификация которого происходит за счёт глагола восприятия «бросать» [8, с. 303].

Далее удалось определить следующие группы: «природа неживая», «растения», «животные», «природа, судьба, жизнь как масштабные антропоморфные образы», «душа».

Количество олицетворений, входящих в группу «природа неживая» значительно: «Нити тонких аметистов / В небе судорогой замело» («Весною», 1928); «Горы эхом отвечали: / “Кто ты? Кто ты?” – без конца» («Весною», 1928); «Аметист сменён агатом чёрным, / А его прогоняют янтари...» («Весною», 1928); «Солнце сегодня взглянуло в леток: / Ветер, хребты целовавший, нашептывал в улей» («Я же – пчела!», 1930); «И бежит, бежит куда-то вдаль вода...»; «Шелестит тальник. Журчит, звенит река...», 1943); «Предо мной разметались туманы, / Как гравюры Мильтонова Рая» (Перевал в Вальпарайзо, 1956); «Какие вокруг пейзажи! / И ветер, поющий в лицо мне!» («Необычайная поездка на юг Чили», 1956); «По уступам каскады несутся. / Но покой первобытно-таёжный» («Необычайная поездка на юг Чили», 1956); «В окно моё смотрятся пики хребтов...» («Гуси»); «И всплески судорожно будят воду... / Луна за горизонтом жжёт костер. / Осенняя вечерняя природа / Роняет оперенье»

вглубь озёр» («Осенний перелёт»).

Эта обширная группа представляет не только оригинальные примеры олицетворений, но и разнообразие синтаксиса. Помимо повествовательных конструкций, которых, по-прежнему, большинство, здесь наблюдаются восклицательные «*Какие вокруг пейзажи! / И ветер, поющий в лицо мне!*»; вопросительные, с прямой речью: «*Горы эхом отвечали: / "Кто ты? Кто ты?" – без конца*».

Восклицательное предложение вызывает интерес ещё и тем, что в нём олицетворение делается путём причастного оборота: «*И ветер, поющий в лицо мне!*». Одушевление стихии возникает за счёт причастия «поющий», образованного, в свою очередь, от глагола звучания «петь» [8, с. 449]. Аналогичный случай и в следующем примере: *Ветер, хребты целовавший, нашёптывал в улей*. Только на этот раз причастие образовано от глагола физического воздействия «целовать» [8, с. 196]. Образ одухотворённого ветра усиливается и благодаря глаголу «*нашёптывать*», который входит в группу глаголов речевой деятельности [1, с. 355].

Далее мы встречаем случаи образования олицетворения с помощью глаголов интеллектуального действия: «*Горы эхом отвечали*»; «*Солнце сегодня взглянуло в лето*»; «*В окно моё смотрятся пики хребтов...*»; глаголы физического действия и движения: «*Аметист сменён агатом чёрным, / А его прогоняют янтари...*»; «*И бежит, бежит куда-то вдаль вода...*»; «*Предо мной разметались туманы, / Как гравюры Мильтонова Рая*»; «*По уступам каскады несутся*»; «*И всплески судорожно будят воду... / Луна за горизонтом жжёт костёр. / Осенняя черная природа / Роняет оперенье вглубь озёр*».

Тематическая группа «растения» представлена следующим образом: «*И листики тихонько зеленеют, / Глядя кругом весенними глазами*» («Багульник», 1930); «*Вам кажется – судьба цветочная ошиблась?*»; «*Лишь кедр хмуро шепчутся со мной*» («Багульник», 1930); «*Как зябнут хризантемы посреди газонов*» («Печально оттого, что осень здесь в апреле», 1954); «*И петунья ей отдаётся, / Замирая в порыве любви...*» («Колибри», 1957); «*Стелют ландыши коврик ажурный*» («Спасибо, Господи, что юмор мне отпущен...», 1947); «*В окно моё смотрятся горные вишни...*» («Японский вечер», 1932).

Большинство конструкций здесь повествовательные, кроме одного, вопросительного, котором присутствует и обращение к читателю: «*Вам кажется – судьба цветочная ошиблась?*». Обобщённый олицетворённый образ, построенный на антропоморфном сопоставлении («судьба цветочная»), представлен одушевлённым благодаря глаголу социальной деятельности (подгруппа «глаголы поступка и поведения») «ошибиться». Обычно он применяется только к людям, поскольку его семан-

тика («поступать неверно») предполагает осознанные действия.

В целом, можно заметить, что флора в мире поэзии Янковской наделена рядом свойств и качеств, присущих человеку. Как и в ранее рассмотренных случаях, одушевление растительности осуществляется посредством глаголов интеллектуального действия: «*И листики тихонько зеленеют, / Глядя кругом весенними глазами*»; «*Лишь кедр хмуро шепчутся со мной*»; «*В окно моё смотрятся горные вишни...*». Встречаются примеры с глаголами физического действия: «*Стелют ландыши коврик ажурный*»; «*И петунья ей отдаётся, / Замирая в порыве любви...*». В последнем примере в образовании олицетворения принимает участие и деепричастие «*замирая*», происходящего от глагола качественного состояния «*замереть*» [14, с. 545]. К этой же группе глаголов относится и «*зябнут*»: «*Как зябнут хризантемы посреди газонов*».

В образовании олицетворения немаловажна роль и оценочной лексики: «*И листики тихонько зеленеют*». Наречие «*тихонько*» не только конкретизирует процесс, но и придаёт одушевлённый характер процессу. Это же замечание относится и к следующей фразе: «*Лишь кедр хмуро шепчутся со мной*», только наречие «*хмуро*» характеризует не процесс, а непосредственно героев стихотворения – кедр, которые персонифицируются.

Таким образом, растительный мир в стихотворениях Янковской не только способен действовать подобно человеку, но и испытывать его ощущения и чувства. То есть, в основе олицетворений лежит антропоморфизм.

Обратимся к семантической группе «животные», которая характеризуется следующими примерами: «*Стервятник над сосновым лесом / Парит, высматривая жертву*» («Необычайная поездка на юг Чили», 1957); «*Этот звук всегда одно и то же: / Беспокойная тоска, стремленье вдаль... / Весь инстинкт бродяжий растревожит, / Сдёрнет память драпирующий вуаль*» («Гуси»).

В повествовательной конструкции «*Стервятник над сосновым лесом / Парит, высматривая жертву*» олицетворение привычно выражено деепричастием, образованном от глагола интеллектуального действия «высматривать»

Более сложным в данном отношении оказывается фрагмент стихотворения «Гуси», в котором олицетворяются не столько сами птицы, сколько тот звук, который они издают, пролетая стаями над городом:

*Этот звук всегда одно и то же:
Весь инстинкт бродяжий растревожит,
Сдёрнет память драпирующий вуаль.*

Процесс придания ему качеств живого существа по-

началу происходит посредством ассоциативного ряда, связанного с эмоциями и переживаниями: «беспокойная тоска, стремление вдаль...». Далее звук начинает воздействовать на героиню не только психологически – «растревожит», но и физически – «сдёрнет». Нельзя не отметить, что в данном примере олицетворение строится по принципу градации, наивысшей точкой в котором оказывается глагол физического действия «сдёрнет», включённый Л.Г. Бабенко в группу глаголов перемещения объектов [14, с. 94]. Семантика же его предполагает некое агрессивное воздействие, неприятное тому, по отношению к кому оно совершается.

Особое значение приобретает в поэзии Янковской группа олицетворений «природа, судьба, жизнь как масштабные антропоморфные образы», так как наиболее ярко отражает мышление автора, воспринимавшего природу как одухотворённую часть своей жизни.

Приведём соответствующие примеры: «*Это там, где Природа колдует – / От печали и зла вдалеке...*»; «*Так Океан Тайги расставил сети / И принял нас во царствие своё*» («Встреча с моим Робинзоном Крузо», 1949); «*Жизнь брызгами своими щедро мечет*» («Скрижаль», 1953); «*Лишилась жизнь своей простой красы*» («Печально оттого, что осень здесь в апреле», 1954); «*Всё это жизнь, а не сцена – / На миг распахнула вежды...*» («Необычайная поездка на юг Чили», 1957).

В представленных повествовательных конструкциях образование олицетворения происходит большей частью за счёт глаголов: физического действия: «*Так Океан Тайги расставил сети / И принял нас во царствие своё*»; «*Жизнь брызгами своими щедро мечет*»; «*Всё это жизнь, а не сцена*» – / *На миг распахнула вежды...*; интеллектуального воздействия: «*Это там, где Природа колдует – / От печали и зла вдалеке...*» Концептуальными для автора оказываются глаголы утраты объекта [14, с. 581]: «*Лишилась жизнь своей простой красы*». Вновь отметим наличие эмотивно-оценочной лексики: «*щедро*», дополняющей эффект оживления.

Отдельно представим группу «душа», так как обращение к этой субстанции имеет не менее существенное значение для автора и лирической героини, рефлексирующих по поводу расставания с родиной. Эти переживания

выражены следующим способом: «*Душа моя утратила покой*» («Печально оттого, что осень здесь в апреле», 1954); «*И тоскует душа, как недужный... апрель*» («Собираю опавшие листья», 1956).

Здесь, как это можно заметить, вновь возникает глагол утраты объекта: «*Душа моя утратила покой*». Лирическая героиня оживляет свою душу (в русском языке эта категория является неодушевлённой), делает её участницей происходящего.

Далее возникает **глагол качественного состояния** «тоскует», обозначающий «гнетущее чувство, душевную тревогу, уныние» [14, с. 525]. Последующее олицетворение возникает в качестве сравнения и создаётся при помощи просторечного прилагательного «недужный», то есть «больной»: «*как недужный... апрель*». Оба объекта олицетворения предстают в качестве отображения внутреннего состояния героини, рефлексия которой происходит через восприятие природы.

Таким образом, можно сказать следующее. Множественные выявленные олицетворения в поэзии В.Ю. Янковского разделяются в следующие тематические группы: «стихии», «пространственно-временные категории», «неживая природа», «растения», «животные», «природа, судьба, жизнь как масштабные антропоморфные образы», «душа».

Это, в большей мере, повествовательные конструкции, в которых олицетворение создаётся при помощи глаголов физического действия, глаголов движения, глаголов интеллектуального действия и качественного состояния. При этом особую роль играют глаголы, принадлежащие к подгруппе «утраты объекта», как выражающие концептуальную идею отрыва от Родины в поэзии В.Ю. Янковской. Среди других часто встречаемых средств: причастия, причастные обороты, эмоционально-оценочная лексика.

В результате возникает специфическая картина мира, в которой, наравне с героиней и вместе с ней, в тесном эмоциональном и физическом соприкосновении, действуют одухотворённые объекты неживой природы; наполненная интенсивным движением и различными процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гин Я.И. Грамматические особенности олицетворения существительного «горе» // Язык русского фольклора. – Петрозаводск, 1985. – С. 105-114.
2. Гин Я.И. Поэтика грамматического рода. – Петрозаводск: ПГПИ, 1992. – 153 с.
3. Константинова К.С. Олицетворение в художественном тексте: семантические и грамматические аспекты: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01. – М., 1996. – 221 с.
4. Фам Нгок Лам Олицетворение имён существительных с немотивированным родом в современном русском языке: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01. – М., 1999. – 228 с.

5. Чеснокова Н.В. Языковые механизмы глагольной образности // Вестник Тамбовского университета. – 2010. – № 12. – С. 216-224.
6. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. – 540с.
7. Винокур Г.О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1990. – 451 с.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138с.
9. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 208с.
10. Некрасова Е.А. Олицетворение // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. – М., 1994. – С. 13-105.
11. Потехина А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 616 с.
12. Янковская В.Ю. По странам рассеяния
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2010. – 1376 с.
14. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских глаголов. – М.: АСТ-Пресс, 2008. – 576 с.
15. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 524 с.

© Никифорова Ольга Владимировна (kettary.breeze@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет